

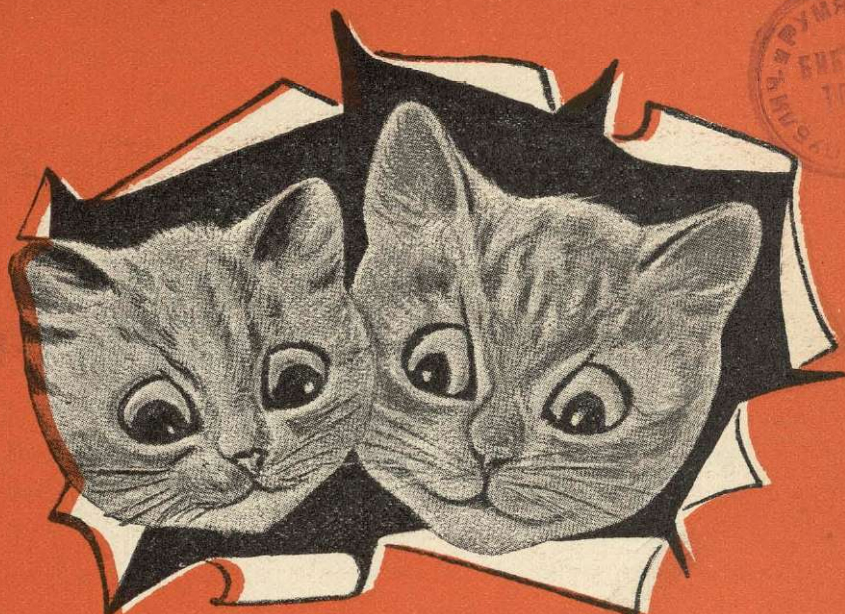
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія
библіотени городскихъ училищъ.

IV 45
10.
Годъ изданія третій

ЯНВАРЬ

№ 5.

1910.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ДОМОВОИ.
СНѢЖИНКИ.
НА ЗАРѢ НОВОИ ЖИЗНИ
(Историческая повѣсть).
СТАРАЯ СОБАКА.
ВАНЯ и МАША (сказка).
ГОЛОВОЛОМКИ, АРИѦМО-
ГРАФЫ, РЕБУСЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Сельцо для склеиванія (продолже-

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

ДОМОВОЙ.

Я часто ѣздилъ изъ одного города въ другой по девяносто верстъ на лошадахъ. По дорогѣ я долженъ былъ сворачивать вправо и влѣво отъ почтоваго тракта, такъ какъ служилъ и долженъ былъ исполнять возло-

но приходилось мириться и проводить ночь въ тѣснотѣ и духотѣ, чтобы съ ранняго утра опять продолжать путь далѣе.

Однажды вечеръ засталъ меня въ дорогѣ. До перваго селенія оставалось

Ласка.

женныя на меня порученія. Часто ночь заставляла меня въ пути и я долженъ былъ ночевать въ простой крестьянской избѣ или въ первомъ попавшемся постояломъ дворѣ. Конечно, удобствъ не было никакихъ,

еще восемь верстъ, но мои лошади такъ устали, что едва волочили ноги. Нужно было дать имъ отдохнуть, да и меня самого клонило ко сну. Мой ящикъ Гаврила опустилъ вожжи и мы шажкомъ поплелись къ этому селенію.

Было темно. Сентябрьскій вечеръ спустился рано и во всей природѣ было грустно. Хлѣбъ уже давно былъ убранъ, на поляхъ было пустынно, птицы уже не кричали и на деревьяхъ оставались только рѣдкіе, пожелтѣвшіе листья.

Какъ вдругъ сквозь лѣсъ передъ нами мелькнулъ огонекъ.

— А не заѣхатъ-ли намъ, господинъ, туда? обратился ко мнѣ Гаврила.—Лошади еле идутъ, до Карявина еще далеко... Заночуемъ здѣсь!

— Хорошо. . согласился я.

И мы свернули влѣво и черезъ порѣдѣвшій лѣсокъ скоро доѣхали до небольшого «дворика», состоявшаго изъ двухъ избъ и большого, крытого соломой сарая. Заслышавъ нашъ звонокъ, къ намъ навстѣчу вышелъ хозяинъ, простой мужичокъ въ лаптяхъ и въ рубахѣ безъ кушака.

— Пусти, Божій человекъ, переночевать! обратился къ нему Гаврила.

— Пожалуйте, отвѣтилъ мужичокъ. А потомъ онъ помялся и добавилъ:— только для коней у меня неблагополучно! А для васъ ничего!..

— А что такое? спросилъ Гаврила.

— Домовой пошаливаетъ... откровенно отвѣтилъ мужичокъ.

Мы не обратили вниманія на эту его фразу, а только посмѣялись, Гаврила распрягъ лошадей и поставилъ ихъ въ сарай и скоро мы уже сидѣли цѣлой компаніей въ избѣ и пили чай: я, Гаврила и мужикъ съ

женой. Ребята и старуха уже спали на печи. Затѣмъ мы тоже легли спать.

На утро, чуть свѣтъ, меня уже разбудилъ Гаврила. На немъ не было лица.

— Вставайте, баринъ... заговорилъ онъ.—Тутъ и впрямь домовой! Посмотрите, что онъ сдѣлалъ съ нашими лошадьми!

Я быстро одѣлся и вышелъ. Было темно, свѣтили звѣзды, но на востокѣ уже зажигалась заря. Съ фонаремъ въ рукѣ Гаврила повелъ меня въ сарай.

— Вотъ поглядите, что съ ними дѣлается! сказалъ онъ и освѣтилъ фонаремъ лошадей.

То, что я увидѣлъ, было дѣйствительно очень странно. Лошади дрожали такъ, точно сильно прозябли. Глаза ихъ свѣтились безпокойствомъ. Онѣ фыркали отъ страха. Гривы и хвосты ихъ были такъ всклокочены и перепутаны, что походили на войлокъ, на ногахъ и на шеяхъ кое-гдѣ была прокутана кожа и изъ нея сочилась кровь.

— Слышу, лошади бьются и фыркаютъ, сказалъ встревоженный Гаврила.—Зажегъ фонарь, бѣгу сюда, глядь— а онѣ ни живы, ни мертвы. Домовой и есть! Бѣдныя лошадки! Кому-же больше?

Для меня самого казалось это непостижимымъ. Кто-же могъ такъ напугать лошадей? Кто могъ ихъ такъ искушать? И если это были крысы или какой-нибудь другой звѣрекъ, то почему-же у нихъ такъ перепутаны гривы и хвосты?

Успокоивъ лошадей, Гаврила привелъ ихъ въ порядокъ и запрегъ. Повидимому, и онѣ были очень довольны, что увидали людей. Затѣмъ незамѣтно подкрался разсвѣтъ, мы расплатились съ нашимъ хозяиномъ и поѣхали далѣе.

Всю дорогу мы ѣхали молча. Каждый изъ насъ былъ занятъ рѣшеніемъ вопроса: кто же именно напугалъ лошадей? Я перебиралъ въ своей головѣ всевозможныя случайности, а мой Гаврила такъ и оставался при своемъ:

— Это домовой! говорилъ онъ рѣшительно, и я уже не сталъ ему больше возражать.

Черезъ четыре дня мы ѣхали обратно и случай снова привелъ насъ опять въ ту-же самую мѣстность и снова подъ ночь. Нужно было остановиться гдѣ-нибудь на ночлегъ, но о томъ, чтобы остановиться у нашего знакомаго мужика, Гаврила не хотѣлъ и слушать.

— Богъ съ нимъ, баринъ! говорилъ онъ. — Тамъ у него не чисто! Поѣдьте лучше въ первую деревню, тамъ и заночуемъ! Пожалуй еще, и самъ онъ колдунъ!

Но для меня было интересно провѣрить то, что случилось тогда съ лошадьми, и я приказалъ Гаврилѣ сворачивать опять въ лѣсъ и ѣхать къ нашему мужику.

— А лошади? испугался Гаврила. — Вѣдь ихъ опять напугаетъ домовой!

— Ничего, отвѣтилъ я. — Я самъ заночую вмѣстѣ съ ними въ сараѣ!

Гаврила долго отговаривался, но я настаивалъ и онъ долженъ былъ, наконецъ, уступить.

Насъ опять встрѣтилъ нашъ мужичокъ и на этотъ разъ уже какъ знакомыхъ. Онъ повелъ насъ въ горницу, напоилъ насъ чаемъ и устроилъ намъ изъ сѣна пышныя постели. Но когда я объявилъ ему, что буду спать въ сараѣ, то онъ странно посмотрѣлъ на меня и не отвѣтилъ ничего.

Мы зажгли съ Гаврилой фонарь и отправились въ сарай. Было холодно. Гаврила поставилъ лошадей къ яслямъ, далъ имъ корму и, сваливъ съ чердака чуть не цѣлую копну сѣна, устроилъ въ немъ логово. Не раздвываясь, какъ были, мы легли въ это логово и стали дремать. На стѣнѣ висѣлъ фонарь и освѣщалъ лошадей. Онѣ мирно жевали овесъ. Скоро Гаврила захрапѣлъ, а я, борясь съ дремотой, сталъ наблюдать. Среди ночи къ сараю подходилъ нашъ хозяинъ и стучался къ намъ.

— Что не гасите огонь? сказалъ онъ. — Сожжете еще сарай!.. Тогда съ васъ ищи!

— Ничего, дядюшка, успокоилъ я его. — Не бойся. Я не сплю.

Около полуночи лошади стали фыркать и волноваться. Одна изъ нихъ стала бить задними ногами. Я осторожно приподнялся съ мѣста и сталъ глядѣть. Съ каждой минутой безпокойство лошадей все росло и росло и начинало дѣйствительно становиться похожимъ на то, будто и въ самомъ дѣлѣ ихъ тревожилъ домовой.

Я смотрѣлъ и ничего не видѣлъ. Лошади попрежнему бились и фыркали. Было жалко на нихъ глядѣть. Тогда я осторожно всталъ на ноги и тихонько къ нимъ подошелъ. Мнѣ и самому дѣлалось страшно. Гаврила по-прежнему крѣпко спалъ и храпѣлъ.

Свѣтъ фонаря падалъ прямо на лошадей. Я приглядѣлся къ одной изъ нихъ, той, которая была задними ногами, и, къ удивленію своему, увидѣлъ у нея въ гривѣ какой-то предметъ. Что-то живое шевелилось въ ней, повидимому, играло и старалось нарочно завязать узелками всѣ на ней волосы. Наигравшись досыта и запутавъ всю гриву, животное это перескочило на другую лошадь и стало запутывать гриву и у нея.

«Что это за животное?» подумалъ я.

Это былъ небольшой, продолговатый звѣрекъ, на очень короткихъ и тонкихъ ножкахъ съ острыми коготками. Хвостикъ у него былъ коротенькій, остренькій въ концѣ, хорошенькая головка съ широкими ушками и тупой носикъ съ бороздкой, разделяющей ноздри. Весь онъ былъ рыжевато-бураго цвѣта, но грудь и животъ у него были бѣлые. Приглядѣвшись къ нему поближе, я тотчасъ-же узналъ въ немъ звѣрка ласку изъ породы куницъ.

— Гаврила Семенычъ, вставай! сталъ я расталкивать своего ямщика.— Погляди на лошадей!

— А что? Опять домовой? вскочилъ онъ и сталъ протирать себѣ глаза.— Съ нами крестная сила!

И, крестясь, онъ тоже тихонько сталъ подходить къ лошадямъ.

— Чуръ меня! шепталъ онъ.— Чуръ меня! Аминь, аминь, разсыпся!

Но увидѣвъ ласку, онъ сразу-же понялъ, въ чемъ дѣло, стащилъ съ себя сапогъ и изъ всѣхъ силъ пустилъ имъ въ звѣрка. Сапогъ ударилъ по лошади, испугалъ ее еще больше, но ласка замѣтила нась, выскочила изъ гривы лошади и юркнула куда-то подъясли. Только мы ее и видѣли.

— Вотъ тебѣ и домовой! обратился я къ Гаврилѣ.— Что ты на это скажешь?

Ему было неловко. Онъ подошелъ къ лошадямъ, успокоилъ ихъ и еще долго топтался около нихъ въ одномъ сапогѣ. Затѣмъ мы перевели лошадей на другое мѣсто, поближе къ себѣ, и снова улеглись на сѣно спать.

— Тьфу! сказалъ наконецъ Гаврила.— Я и впрямь думалъ, что это домовой, а это такъ, какая-то дрянь!

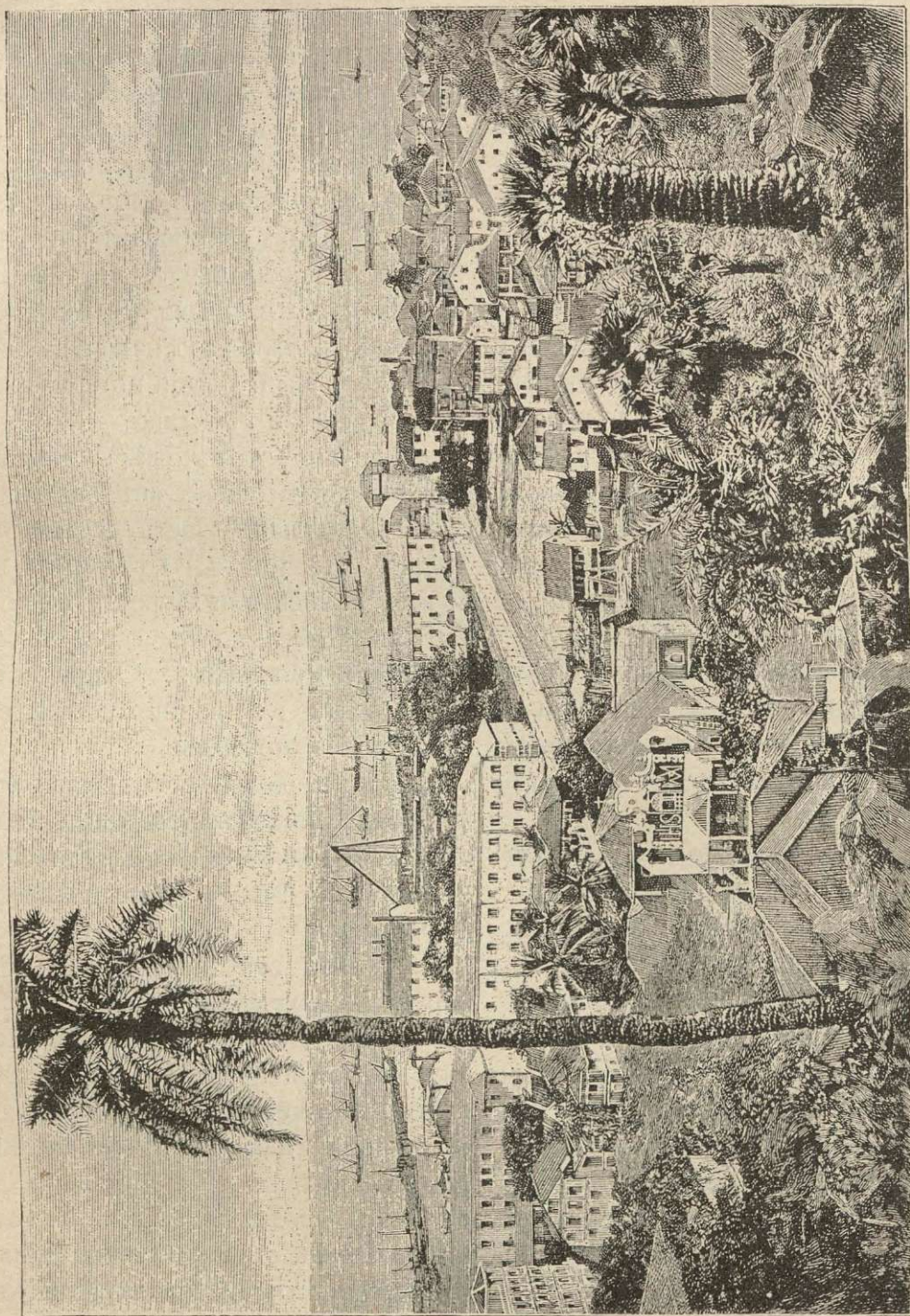
Затѣмъ мы долго молчали. Сонъ уже не шелъ къ намъ на глаза. Больше ужъ ласка не прибѣгала во все и лошади мирно жевали сѣно и овесъ. Слышно было, какъ вдалекѣ перекликались первые пѣтухи.

— А не знаете-ли вы, господинъ, вдругъ обратился ко мнѣ Гаврила,— что это за звѣрь?

— Знаю, отвѣтилъ я.— А ты развѣ не спишь?

— Нѣтъ... Охъ, Господи помилуй!

И онъ широко раскрылъ ротъ и громко зѣвнулъ.

Городъ Сингапуръ на островѣ того-же имени у Индо-Китая.
Принадлежитъ англичанамъ, 160 тысячъ жителей.

— Завтра я тебѣ расскажу, ска-
заль я.—А сейчас давай попытаем-
ся заснуть! Загаси фонарь!

На этотъ разъ мы проспали. Когда
мы проснулись, то было уже совсѣмъ
свѣтло. Гаврила не могъ себѣ этого
простить, вскочилъ и виновато сталъ
суетиться около лошадей. Я пошелъ
въ избу, умылся, напился чаю и снова
вышелъ на дворъ. Гаврила только-
что кончилъ подмазывать тарантасъ
и запрягалъ уже лошадей. Я при-
сѣлъ на бревно и сталъ дожидать.

Вдругъ выраженіе лица Гаврилы из-
мѣнилось, онъ какъ-бы застылъ на
мѣстѣ и молча указалъ мнѣ глазами
на кучу хворосту, лежавшаго около
сарая.

— Тссс!..

Я поглядѣлъ туда и увидалъ ласку.
Она вылѣзла изъ-подъ хвороста и
смѣло глядѣла на насъ своими круг-
ленькими глазками и поводила въ
воздухѣ ноздрями.

— Чу! крикнулъ на нее Гаврила
и бросилъ въ нее шапкой.

Ласка встала на заднія лапки и
вовсе даже и не думала бѣжать. Это
было хорошенькое, маленькое суще-
ство, довѣрчивыми глазками смотрѣв-
шее на меня и на Гаврилу. Онъ под-
скочилъ къ ней, навалился на нее
всѣмъ тѣломъ и схватилъ ее своею
огромною рукой. Она укусила его за
палець, онъ вскрикнулъ, выпустилъ
ее и она ловко юркнула снова въ
хворостъ.

— Ахъ, ты дрянъ этакая! крик-
нулъ онъ и хотѣлъ-было расказы-

вать кучу, чтобы поймать ее, но въ
это время его кликнули пить чай.

Выпивши восемь чашекъ чаю, Гав-
рила вскочилъ на облучокъ, я усѣлся
на тарантасъ и мы поѣхали.

Мимо насъ потянулись лѣса, поля,
низенькія корявыя ветлы, посажен-
ныя по обѣимъ сторонамъ большой
дороги, и деревушки съ кирпичными
избами и соломенными крышами. Сѣ-
рое небо висѣло надъ нами и въ лицо
дулъ холодный, рѣзкій вѣтеръ. Было
однообразно и тоскливо.

— А гдѣ этотъ звѣрь живетъ?
вдругъ обратился ко мнѣ Гаврила.

— По большей части, вблизи отъ
жилья, отвѣтилъ я.—Гдѣ-нибудь въ
кучахъ камней или хворосту, въ под-
мытыхъ берегахъ, въ сараяхъ, на
чердакахъ, въ хлѣвахъ... Однимъ сло-
вомъ, вездѣ, гдѣ можно устроиться
поудобнѣе и потеплѣе.

Мы опять долгое время ѣхали мол-
ча. Сталъ накрапывать дождь. Я до-
сталъ свой кожанъ и одѣлся въ него.
Теперь уже было похоже на глубо-
кую осень.

— А что эта ласка ѣстъ? снова
нарушилъ молчаніе Гаврила.

— Все, что угодно, отвѣтилъ я
ему.—Мышей, лягушекъ, рыбъ, даже
гадюкъ и ужей...

— Даже гадюкъ и ужей? удивил-
ся онъ.

— Да, продолжалъ я.—А если
она захочетъ стащить куриное яйцо,
то беретъ его въ охапку, прижи-
маетъ лапками къ груди, поднимаетъ
на заднія ножки и такъ и идетъ

на нихъ до своей норки, какъ человѣкъ.

Гаврила разсмѣялся.

— Ишь ты вѣдь какая хитрая! воскликнулъ онъ и затѣмъ снова погрузился въ думу.

Два часа спустя, мы уже подъѣзжали къ большой усадьбѣ «Козыри» одного богатаго землевладѣльца. Недалекъ отъ нея по озимой ржи ходило стадо лошадей и коровъ, а между ними степенно прохаживался козель, потряхивая своей бородой.

— Такой точно козель былъ и у нашего барина Колпаковскаго, обратился ко мнѣ Гаврила.— Тамъ тоже въ конюшнѣ завелся домовый и безпокоилъ лошадей... А какъ только купили козла, такъ онъ испугался его и пересталъ ихъ трогать.

— И ты вѣришь этому? спросилъ я его.

— А то какъ-же? отвѣтилъ онъ.— Домовой испугался козла и пересталъ шалить.

— Это не оттого, Гаврила,— сказалъ я.— Ласка любитъ играть въ гривѣ лошадей и запутывать ее; ты самъ это видѣлъ сегодня ночью; вотъ для того-то, чтобы она оставила въ покоѣ лошадей, и заводятъ при большихъ конюшняхъ козла. Козель любитъ, когда ему чешутъ спину, а ласка любитъ по ночамъ играть и кувыраться въ его длинной густой шерсти. Поэтому-то она и оставляетъ въ покоѣ лошадей.

— Такъ вотъ оно что! удивился

Гаврила и дернулъ за вожжи.— А мы-то думаемъ, что это домовый!

И проѣзжая мимо самаго стада, онъ указалъ кнутомъ на козла и крикнулъ пастуху:

— Зачѣмъ держите этого бордатаго?

Пастухъ посмотрѣлъ на насъ и не сразу отвѣтилъ:

— Домовой шалить!.. угрюмо сказалъ онъ.

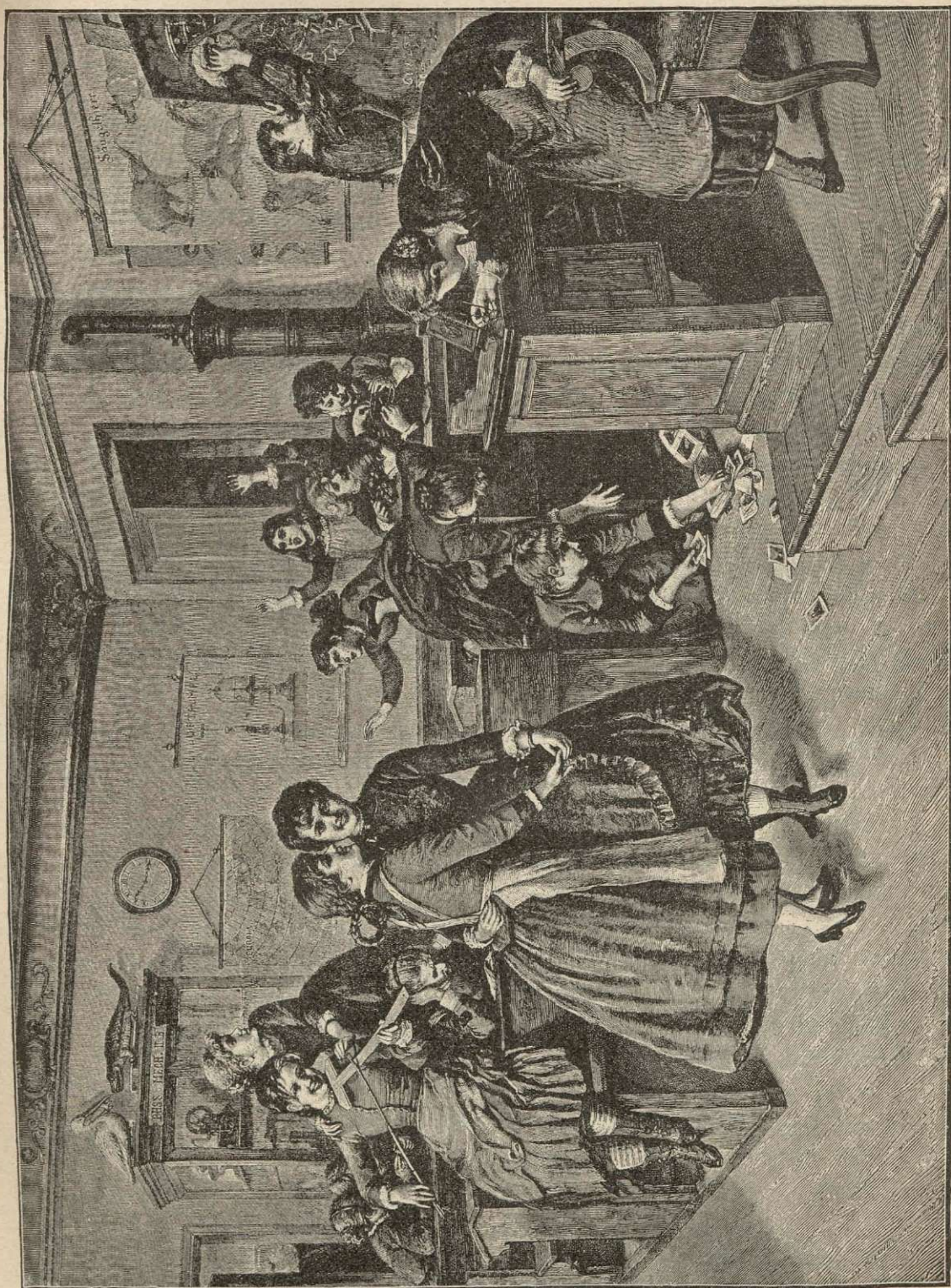
Мы оба засмѣялись и поѣхали своей дорогой.

Я все время думалъ о ласкѣ и какъ только добрался домой, то тотчасъ-же взялъ книгу о животныхъ и сталъ про нее читать. Я узналъ изъ нея, что этотъ прелестный звѣрокъ очень любитъ своихъ дѣтенышей. Каждый годъ, въ маѣ или июнѣ, у ласки рождаются 5 или 6 дѣтенышей, слѣпыхъ, которыхъ она долго кормитъ молокомъ. Когда они вырастутъ настолько, что перестаютъ уже сосать, она все-таки не отпускаетъ ихъ отъ себя и продолжаетъ еще долгое время кормить ихъ мышами, орѣхами и яйцами, которыя ловко воруетъ у птицъ изъ гнѣздъ. Если дѣтенышамъ ласки грозитъ опасность, то она переноситъ ихъ въ другое мѣсто въ зубахъ, по очереди. Если на ея семью нападаютъ, то она защищается до послѣдней капли крови и скорѣе умираетъ сама, чѣмъ позволить обидѣть своего дѣтеныша.

Въ яркій солнечный день вся семья отправляется куда-нибудь на лужокъ

Въ бочкѣ.

Учительница идетъ!

поиграть. Здѣсь ласки возятся, борются, бѣгаютъ на заднихъ лапкахъ и любятъ охотиться за кузнечиками. Наигравшись, онѣ длинной вереницей, гуськомъ, бѣгутъ къ себѣ въ гнѣздо и укладываются спать.

Ласка очень ловка. Съ поразительной легкостью она увертывается отъ нападений врага и, если ее обидятъ, храбро вступаетъ съ нимъ въ бой. Если ее хватаетъ коршунъ или орелъ, то она ухитряется, уже будучи у него въ когтяхъ и летя по воздуху, такъ больно укусить его за ногу, что птица разжимаетъ свои пальцы и выпускаетъ ласку изъ лапъ.

Ласка очень плохо переноситъ неволю. Она такъ любитъ свободу, что, попавши къ человѣку, начинаетъ скучать и скоро умираетъ. Только пойманныя еще въ раннемъ дѣтствѣ кое-какъ привыкаютъ къ человѣку и переносятъ неволю. Такъ у одной дамы была ручная ласка, пойманная еще сосункомъ. Она выросла и горячо привязалась къ своей хозяйкѣ. Она пила у нея съ ладони молоко, играла съ ея пальцами, какъ собачка, прыгала ей на голову и на шею, отличала ея голосъ изъ десятковъ другихъ, находила свою госпожу среди гостей и если эту даму загораживали отъ нея стульями, то она съ легкостью перепрыгивала черезъ нихъ.

«Интересной особенностью моей прелестной воспитанницы, говоритъ эта дама,—было ея поразительное любопытство. Стоило только открыть какой-нибудь сундукъ, комодъ, жестянку или ящикъ, или просто взять въ руки клочекъ бумажки, какъ ласка уже тотчасъ-же была тутъ-какъ тутъ, становилась на заднія лапки и старалась всюду сунуться со своимъ носикомъ и понюхать. Если я зову къ себѣ свою ласку и она ко мнѣ не идетъ, то стоитъ только мнѣ открыть книгу съ картинками или полѣзть въ письменный столъ, какъ она уже моментально бросается ко мнѣ, взбирается ко мнѣ на плечо и старается внимательно разглядѣть тотъ предметъ, на который смотрю и я. Когда ей надоѣдаетъ играть со мной, то она отправляется къ своимъ друзьямъ—щенку и котенку и начинаетъ заигрывать съ ними».

У этой дамы ласка прожила въ неволѣ около четырехъ лѣтъ. Захла и умерла. На волѣ-же она обыкновенно живетъ 10 или 12 лѣтъ и приноситъ такую пользу, истребляя крысъ и мышей, что должна считаться однимъ изъ полезнѣйшихъ звѣрковъ.

С. Вершининъ.

СНѢЖИНКИ.

Мы — рѣзвья снѣжинки,
Съ небесной высоты,
Застывшія росинки
Волшебной красоты.

Мы весело порхаемъ
Морознымъ, зимнимъ днемъ
И елку украшаемъ
Пушистымъ серебромъ.

Но горе, если нами
Метель играть начнетъ
И дикій надъ полями
Затѣетъ хороводъ!

Напавши злымъ роємъ,
Съ пути мы васъ собьемъ,
Сугробомъ васъ накроемъ
И вовсе занесемъ!

Н. Новичъ.

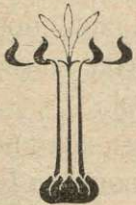

НА ЗАРѢ НОВОЙ ЖИЗНИ.

Историческая повѣсть.

(По Ben-Hur, by Lew. Wallace).

(Продолженіе).

VII.

Въ Малой Азіи есть страна Сирія, а въ ней, при впаденіи рѣки Оронто въ Средиземное море, находится Антиохія. Въ древности это былъ многолюдный и богатый городъ, съ массою магазиновъ и съ громаднымъ театромъ, въ которомъ богатые люди состязались на колесницахъ. Сюда стекались люди со всего тогдашняго свѣта, чтобы весело пожить, къ тому же,

невдалекѣ отъ Антиохіи находился извѣстный тогда цѣлебный Кастальскій источникъ, къ которому собирались знатные люди такъ, какъ теперь съѣзжаются на модныя минеральныя воды, чтобы полечиться, но чаще всего — чтобы развлечься и потратить деньги.

Антиохія находилась недалеко отъ Палестины и Египта и потому туда

пріѣзжали богатые евреи и египтяне. А такъ какъ этотъ городъ принадлежалъ римлянамъ, то главными хозяевами въ немъ были они.

Прошло пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Іуда спасъ Аррія и былъ увезенъ имъ къ себѣ въ Италію, въ Римъ.

Пассажирскій корабль входилъ въ гавань Антіохіи изъ голубыхъ водъ Средиземнаго моря. Былъ полдень. Всѣ пассажиры находились на палубѣ. Былъ между ними и нашъ старый знакомый Бенъ-Хуръ. Теперь уже онъ возмужалъ и отъ всей его фигуры вѣяло привлекательностью. Онъ отлично говорилъ на латинскомъ языкѣ и съ самой утонченной вѣжливостью отвѣчалъ на вопросы римскихъ дамъ, которыя спрашивали его объ Антіохіи и Іерусалимѣ. На кораблѣ ѣхалъ также и одинъ почтенный еврей, который теперь возвращался къ себѣ домой въ Антіохію. Увидѣвъ въ гавани массу судовъ, имѣвшихъ на мачтахъ одинъ и тотъ же торговый флагъ, Бенъ-Хуръ заинтересовался этимъ и спросилъ его:

— Чьи это суда?

— Это суда нѣкоего Симонида, отвѣчалъ еврей.—Онъ живетъ здѣсь, въ Антіохіи, и такъ богатъ, что богаче его едвали найдется кто-либо другой на свѣтѣ. Говорятъ, что все это ему досталось отъ одного Іерусалимскаго князя Бенъ-Хура, у котораго онъ былъ управляющимъ.

Іуда вздрогнулъ, но старался казаться спокойнымъ.

— Послѣ князя Бенъ-Хура, про-

должалъ еврей,—остался единственный сынъ Іуда, но онъ сдѣлалъ покушеніе на жизнь губернатора Грата и его сослали въ каторжныя работы. Съ тѣхъ поръ о немъ ничего не слышно. У этого Іуды были еще мать и сестра, но онѣ куда-то исчезли безслѣдно. Теперь ихъ дворецъ въ Іерусалимѣ заколоченъ и посейчасъ представляетъ изъ себя развалину.

Сердце у Іуды сильно забилося.

— Но слушайте далѣе, продолжалъ еврей.—Когда всѣ Бенъ-Хуры такимъ образомъ пропали, то всѣ ихъ капиталы такъ и остались въ рукахъ у ихъ управляющаго Симонида. Онъ вскорѣ открылъ торговлю на свое имя и въ очень короткій промежутокъ времени сдѣлался невѣроятнымъ богачемъ.

— А гдѣ онъ живетъ? еле могъ произнести отъ волненія Іуда.

— Здѣсь, въ Антіохіи, почти у самой пристани... Видите, вонъ тотъ высокій домъ? Это его!..

— А не знаете-ли вы, хотя по-слухамъ, рискнулъ задать вопросъ Іуда,— гдѣ теперь находятся мать и сестра Бенъ-Хура?

— Навѣрное, обѣ онѣ сгнили гдѣ-нибудь въ тюрьмѣ, куда бросили ихъ алчные римляне.

Іуда почувствовалъ, какъ у него сжалось сердце, и отошелъ къ сторонѣ. Небо было залито солнечными лучами, пѣли матросы, все было радостно и на кораблѣ и на берегу, но Іуда не замѣчалъ ничего.

Корабль сталъ причаливать къ

пристани, пассажиры засуетились, занялись своимъ багажомъ и скоро высыпали на берегъ. Тогда пришелъ въ себя и Иуда Бенъ-Хуръ. Онъ отыскалъ въ толпѣ почтеннаго еврея и взялъ его за руку.

— Прежде чѣмъ попрощаться, сказалъ онъ,—позволь побезпокоить тебя вопросомъ?

— Что тебѣ угодно? спросилъ еврей.

Твой рассказъ о купцѣ Симонидѣ возбудилъ во мнѣ желаніе повидать его. Гдѣ я могу найти его?

— А вотъ иди до того мѣста, гдѣ находится его пристань; какъ разъ около нея и его домъ. Ходъ съ улицы. Видишь мостъ? Такъ прямо противъ моста!..

Бенъ-Хуръ простился съ нимъ и отправился прямо къ Симониду.

Двери его дома были раскрыты настежъ, въ нихъ принимали и выпускали товары. На набережной возвышались цѣлыя груды всякихъ ящиковъ, бочекъ и мѣшковъ, около нихъ сновали носильщики и грузчики, а съ кораблей на ослахъ и мулахъ подвозились все новые и новые товары. Отъ флота къ пристани и отъ пристани къ флоту съ криками и возгласами передвигались рабы Симонида.

Бенъ-Хуръ смѣло вошелъ въ домъ

— Что тебѣ нужно? спросилъ его привратникъ.

— Я хочу видѣть купца Симонида, отвѣчалъ Иуда.

— Не угодно-ли тебѣ пожаловать сюда?

Они прошли цѣлый рядъ корридоровъ, поднялись по лѣстницѣ и вышли на площадку, находившуюся на крышѣ. Здѣсь стоялъ цѣлый другой домъ. Дверь въ него была отворена, но задернута занавѣской.

Привратникъ заглянулъ въ нее и сказалъ:

— Хозяинъ! тебя желаетъ видѣть какой-то иностранецъ.

— Пусть войдетъ, послышался отвѣтъ.

Бенъ-Хуръ вошелъ.

Въ полусвѣтѣ комнаты онъ увидѣлъ мужчину, сидѣвшаго въ креслѣ, въ мягкихъ подушкахъ. Около него стояла дѣвушка и перебрасывала какія-то бумаги. При видѣ иностранца, она по обычаю опустила глаза. Оба они пристально посмотрѣли на вошедшаго.

— Не ты-ли Симонидъ? обратился къ нему Бенъ-Хуръ.

— Я Симонидъ, отвѣтилъ старикъ.— Миръ тебѣ! Такъ какъ ты знаешь теперь мое имя, то скажи мнѣ и свое.

— Я Иуда, сынъ князя Иерусалимскаго Бенъ-Хура.

Правая рука купца нервно дернулась. Онъ сверкнулъ глазами, повидимому изумился, но сдержалъ себя и ничѣмъ больше не выдалъ своего волненія.

— Добро пожаловать, спокойно сказалъ онъ.

И обратившись къ дѣвушкѣ, онъ сказалъ:

— Эсфирь, дочь моя, поставь стулъ этому человѣку.

Дѣвушка придвинула Бенъ-Хуру мягкій табуретъ. Исполнивъ это, она выпрямилась и глаза ихъ встрѣтились.

— Сядь и отдохни, сказала она Іудѣ.

Бенъ-Хуръ изъ вѣжливости не сѣлъ: по обычаю, незнакомый молодой человѣкъ не долженъ былъ садиться передъ старикомъ.

— Когда я ѣхалъ сюда, сказалъ онъ, — то услышалъ, что ты зналъ моего отца.

— Да, я зналъ князя Хура, отвѣтилъ Симонидъ. — Вмѣстѣ съ нимъ я торговалъ, разѣзжая по всему свѣту... Но что-же ты не садишься? Эсфирь, подай гостю вина!

Опустивъ глаза, Эсфирь подала Іудѣ вино.

— Нѣтъ, благодарю, отвѣтилъ онъ. — Не хочу. Я прошу тебя лишь объ одномъ. Отвѣтъ мнѣ откровенно на одинъ мой вопросъ: Мой отецъ умирая, оставилъ послѣ себя довѣреннаго, своего раба, тоже Симонида. Мнѣ сказали, что этотъ слуга—ты!

Всѣ члены купца дрогнули. Худая рука его сжалась въ кулакъ. Но онъ сдержалъ себя и смѣло взглянулъ въ глаза Іуды.

— Тотъ, кто говорилъ тебѣ обо мнѣ, сказалъ онъ, — долженъ былъ бы сказать тебѣ также и то, что я самый недовѣрчивый человѣкъ въ мірѣ. Прежде чѣмъ отвѣтить на твой вопросъ, я требую отъ тебя доказательства того, что ты дѣйствительно сынъ князя Хура. Чѣмъ ты это докажешь? Есть-ли у тебя доку-

менты? Или, быть можетъ, ты представишь свидѣтелей?

Бенъ-Хуръ покраснѣлъ. Никакихъ доказательствъ у него не было.

— Представь мнѣ доказательства того, продолжалъ Симонидъ, — что ты дѣйствительно сынъ князя Хура и я отвѣчу тебѣ, тотъ-ли я Симонидъ, о которомъ ты спрашиваешь.

Іуда въ замѣшательствѣ отвернулся. Теперь онъ былъ по документамъ не Іуда Бенъ-Хуръ, а сынъ Аррія. За три года его каторжныхъ работъ и два года жизни въ Римѣ всѣ его знакомые, которые могли-бы его признать, уже поумирали.

— Симонидъ, заговорилъ онъ наконецъ, — все, что я могу сдѣлать, — это только рассказать тебѣ мою исторію и, если ты желаешь выслушать ее, то прикажи, и я расскажу.

— Говори, сказалъ Симонидъ.

Бенъ-Хуръ началъ свой рассказъ и передалъ его съ такимъ искреннимъ чувствомъ, что показался даже краснорѣчивымъ.

Симонидъ склонилъ голову, и его дочь прижалась къ нему, точно помогая этимъ скрыть волненіе и въ то-же время пряча отъ Іуды свое страданіе къ пережитымъ имъ его страданіямъ.

— Симонидъ, громко сказалъ потомъ Бенъ-Хуръ, я вижу, что я тебя не убѣдилъ. Вижу, что тѣнь недовѣрія твоего ко мнѣ еще не разсѣялась и я не заслужилъ еще твоего довѣрія.

Черты лица купца оставались неподвижны. Онъ не отвѣтилъ ни слова.

— Я вижу, продолжалъ Іуда,— что я не съумѣлъ доказать тебѣ, что я сынъ моего отца. Всѣ, кто признали бы меня, уже умерли, а моя няня Амра—я не знаю гдѣ.

Онъ закрылъ лицо руками.

Эсфирь взяла чашу съ виномъ и снова поднесла ему.

— Пей, прошу тебя! обратилась она къ нему.

Онъ замѣтилъ слезы на ея глазахъ и взялъ отъ нея вино.

— Да благословитъ тебя Богъ! сказалъ онъ.—Благодарю тебя.

Сказавши это, онъ снова обратился къ купцу.

— Такъ какъ доказательствъ моего рожденія у меня нѣтъ, сказалъ онъ,— то я ухожу отсюда, чтобы болѣе не беспокоить тебя, Симонидъ. Я шель сюда не за тѣмъ, чтобы требовать отъ тебя отчета въ моемъ богатствѣ, и не для того, чтобы напоминать тебѣ о томъ, что ты—мой рабъ. Владѣй всѣмъ и будь свободенъ! Я не нуждаюсь ни въ чемъ. Мой пріемный отецъ Аррій оставилъ мнѣ все свое состояніе и я богатъ и безъ тебя. Скажи только, чтò ты знаешь о моей матери и сестрѣ Тирсѣ? Гдѣ онѣ? Что ты можешь сказать мнѣ о нихъ?

Слезы текли по щекамъ у Эсфири, но Симонидъ, нисколько не измѣняя своему самообладанію, безъ малѣйшаго волненія отвѣтилъ:

— Я уже сказалъ тебѣ, что я зналъ князя Бенъ-Хура. Я слышалъ о несчастіи, постигшемъ его семью.

Скажу даже больше: я наводилъ справки объ этой семьѣ, но ничего не могу сказать тебѣ о ней. Мать и дочь исчезли.

Бенъ-Хуръ громко застоналъ. Затѣмъ онъ отеръ платкомъ глаза, овладѣлъ собою и направился къ выходу.

— Прощайте, сказалъ онъ.—Благодарю васъ обоихъ!

— Миръ съ тобой! отвѣтилъ купецъ.

Растроганная разговоромъ Іуды, Эсфирь плакала навзрыдъ.

И Бенъ-Хуръ удалился.

VIII.

Едва онъ ушелъ, какъ Симонидъ, казалось, пробудился. Его лицо вспыхнуло румянцемъ, глаза заблестали и онъ радостно воскликнулъ:

— Скорѣе, Эсфирь, скорѣе! Звони какъ можно громче и живѣй!

Эсфирь въ удивленіи позвонила. Явился рабъ.

— Маллухъ, обратился къ нему Симонидъ,— иди сюда!.. Ближе!.. Къ креслу!.. Я дамъ тебѣ сейчасъ порученіе, которое ты исполни безукоризненно. Сейчасъ по лѣстницѣ спускается молодой человекъ. Слѣдуй за нимъ, какъ тѣнь, и каждый вечеръ доноси мнѣ о томъ, гдѣ онъ, что дѣлаетъ и съ кѣмъ имѣетъ сношенія. Понялъ? Иди-же скорѣе за нимъ. Постарайся узнать о немъ все. Стой, погоди, Маллухъ! Если онъ уйдетъ отсюда, то слѣдуй за нимъ и ты. Притворись его другомъ. Говори съ нимъ обо

Осленокъ и его мать.

Старая собака. (Къ 21 стр.).

всемъ, но только не открывай ему того, что ты состоишь у меня на службѣ. Объ этомъ ни одного слова! Слѣши-же!.. Живо!..

Маллухъ поклонился и вышелъ.

Симонидъ отъ радости засмѣялся и сталъ потирать себѣ руки.

— Какое счастье! воскликнулъ онъ. Кажется, это дѣйствительно нашъ господинъ вернулся съ каторжныхъ работъ! Но кто его знаетъ? Быть можетъ, это какой-нибудь самозванецъ, который только прикрывается его именемъ, чтобы получить отъ меня всѣ его богатства! Ну, да мы это скоро узнаемъ! Маллухъ разумеетъ все и донесетъ намъ, дѣйствительно-ли это нашъ хозяинъ? Какое неожиданное счастье! Ахъ, какое великое, радостное счастье! Эсфирь, дочь моя, если-бы ты знала, какъ я счастливъ, что вернулся мой господинъ! Но нужно быть осторожнымъ, нужно въ точности узнать, дѣйствительно-ли это онъ!

И онъ снова залился веселымъ смѣхомъ. Эсфирь смотрѣла на него во всѣ глаза

— Ты смотришь на меня съ удивленіемъ, Эсфирь? продолжалъ Симонидъ.— Ты думаешь, что твой отецъ сошелъ съ ума? Да, я схожу съ ума отъ радости, отъ одной только мысли, о томъ, что это можетъ быть мой господинъ. Но позови слугу. Пусть онъ свезетъ меня въ садъ и я расскажу тебѣ, Эсфирь, все, чего ты еще не знаешь.

Эсфирь позвонила. Явился слуга и

выкатилъ кресло, снабженное колесами, на крышу нижняго этажа, гдѣ были насажены цвѣты. Это и составляло тогдашній садъ. Устроивъ своего господина поудобнѣе, слуга удалился.

— Теперь слушай, Эсфирь, обратился къ дочери Симонидъ.— Слушай внимательно и постарайся не проронить ни одного моего слова. Я расскажу сейчасъ тебѣ нѣчто такое, чего ты не знаешь и что я тщательно отъ тебя скрывалъ.

Онъ провель рукою по лбу, точно стараясь собраться съ мыслями. Эсфирь сѣла у его ногъ на землю.

— Ты думаешь, что я свободный человекъ? началъ свой рассказъ Симонидъ.— Ты думаешь, что и ты не рабыня? Нѣтъ, успокойся: мы оба съ тобою рабы и принадлежимъ этому человекъ со всѣмъ тѣмъ, что имѣемъ. Ты видишь эти дома и эти наши корабли? Ты видишь нашихъ рабовъ? Ты видишь всѣ эти наши товары? Все это не наше, а его! Ибо онъ—нашъ господинъ.

— Какъ-же это могло случиться? робко спросила Эсфирь.

— Родителями моими были невольники, отвѣчалъ Симонидъ.— Меня отняли отъ нихъ и, когда я еще былъ мальчикомъ, продали въ Иерусалимъ къ князю Бенъ-Хуру. Я у него выросъ, а затѣмъ сталъ у него отвѣтственнымъ лицомъ. Въ этомъ званіи я прослужилъ у него шесть лѣтъ; на седьмой, по еврейскому закону, я долженъ былъ получить отъ

него свободу. И я получилъ ее и сталъ свободнымъ. Доказательствомъ этого могутъ служить имѣющіеся у меня документы.

— А моя мать? спросила Эсфирь.

— Погоди, ты узнаешь все, Эсфирь! По окончаніи моего рабства я явился къ моему бывшему хозяину Бенъ-Хуру. Я привязался къ нему, полюбилъ его и мнѣ было жаль съ нимъ разставаться. Я попросилъ его оставить меня у себя на службѣ уже какъ свободного человѣка, за жалованье. Онъ согласился и я прослужилъ у него еще семь лѣтъ уже въ качествѣ наемнаго приказчика. Однажды я обѣдалъ у своего бывшего господина, — какъ вдругъ вошла служанка, неся блюдо съ нарѣзаннымъ хлѣбомъ. Она подошла ко мнѣ первому. Я увидалъ ее и съ перваго-же взгляда полюбилъ. Это была твоя мать. Я попросилъ у князя позволенія на ней жениться. Князь мнѣ отвѣтилъ, что она принадлежитъ къ разряду пожизненныхъ рабовъ и сказалъ, что если я дѣйствительно хочу на ней жениться, то онъ и ее также освободитъ. Она-же такъ любила свою госпожу, что вовсе отказалась отъ свободы. Тогда я сталъ ее просить и умолять. Она соглашалась быть моей женой, но только съ тѣмъ, чтобы и я самъ снова сдѣлался рабомъ и при этомъ рабомъ навсегда, такъ какъ она никогда не рѣшится разстаться со своей госпожей. Я удалился, а затѣмъ вернулся снова. Смотри сюда, Эсфирь, вотъ сюда.

Онъ указалъ на свое лѣвое ухо.

— Видишь ты здѣсь дыру? спросилъ онъ.

— Вижу, отвѣтила она.

— По моей собственной просьбѣ мой хозяинъ сводилъ меня къ судьямъ и потомъ, въ присутствіи ихъ, пригвоздилъ шиломъ мое ухо къ двери: и я сталъ рабомъ навѣки. Таковъ былъ законъ. Вотъ какой цѣной я добылъ себѣ жену мою, Рахиль! Вотъ какъ я любилъ твою мать!

Эсфирь нагнулась и поцѣловала его. Затѣмъ они долго молчали, вспоминая объ умершей.

— Вскорѣ послѣ моей свадьбы умеръ мой господинъ, опять началъ свой рассказъ Симонидъ. — Теперь уже я былъ его главнымъ управляющимъ и въ моихъ рукахъ сосредоточились всѣ его дѣла. Послѣ моего хозяина остались его вдова Итамаръ, дочь Тирса и сынъ Іуда. Я тотчасъ же явился ко вдовѣ, чтобы во всемъ отлатъ ей отчетъ. Но она и знать ничего не хотѣла, такъ какъ вѣрила мнѣ, и все дѣло попрежнему оставила въ моемъ распоряженіи. И я сталъ еще больше развивать ея торговлю. Такъ прошло еще десять лѣтъ. Затѣмъ случилось несчастіе, о которомъ рассказывалъ сейчасъ этотъ молодой человѣкъ. Свалившаяся черепица упала на губернатора Грата, мой молодой хозяинъ и господинъ Іуда Бенъ-Хуръ былъ заподозренъ въ покушеніи на его жизнь и его сослали въ каторжныя работы. Мать и дочь, какъ предполагаютъ, погребены въ

одной изъ іудейскихъ темницъ. Онѣ исчезли, какъ будто море поглотило ихъ, и никто не знаетъ, не только какъ онѣ умирали, но даже и умирали ли онѣ?

Глаза Эсфири наполнились слезами.

— Но слушай далѣе, продолжалъ Симонидъ. — Домъ и все движимое имущество несчастной семьи Гратъ и Мессала отобрали въ казну, а себѣ хотѣли присвоить ея милліонные капиталы. Но я взялъ ихъ себѣ и скрылъ ихъ отъ нихъ. Я увезъ ихъ тотчасъ-же въ Египетъ и спряталъ ихъ тамъ у одного надежнаго лица. Но когда я вернулся обратно въ Іерусалимъ, чтобы разыскать мою хозяйку и ея дочь и сообщить имъ, что ихъ деньги цѣлы, римляне схватили и меня. Они привели меня къ самому Грату. Онъ сталъ требовать отъ меня деньги принадлежавшія семьѣ Бенъ-Хура, которыя, какъ ему стало откуда-то извѣстно, были спрятаны у меня. Онъ требовалъ, чтобы я выдалъ ихъ ему. Но я отказался. Тогда онъ подвергъ меня тяжкой пыткѣ, надѣясь, что я не вынесу страданій и открою ему, гдѣ лежатъ деньги моихъ хозяевъ. Отъ пытокъ всѣ кости мои хрустѣли, меня жгли на огнѣ и вколачивали въ мое тѣло острые гвозди. Вотъ видишь, Эсфирь, эти шрамы? Все это отъ пытокъ. Но я оставался непреклоненъ и не выдалъ ему ни гроша. Тогда онъ отпустилъ меня. Я возвратился домой и возобновилъ торговля дѣла своей хозяйки, но уже отъ своего

имени, а не отъ имени Бенъ-Хура. Домой я возвратился весь обгорѣлый, съ переломленными членами и весь въ гвоздяхъ. Увидя меня такимъ, твоя мать не выдержала и упала мертвою отъ ужаса и печали. Тогда я переѣхалъ сюда, въ Антиохію, и Господу угодно было, Эсфирь, чтобы я остался живъ. И это для того, чтобы я не только сохранилъ богатство моихъ господъ, но и умножилъ его въ сто разъ...

И онъ съ гордостью поднялъ голову.

— Что мнѣ дѣлать съ этимъ богатствомъ, Эсфирь? спросилъ онъ у дочери.

Она опустила глаза.

— Отдать его тому, кому оно принадлежитъ, съ твердостью отвѣтила она.

— А какъ поступить съ тобой?

— А развѣ я не рабыня его? Вѣдь ты—рабъ его отца, слѣдовательно, его рабъ. Я—твоя дочь, слѣдовательно,—я рабыня его.

Онъ прижалъ ее къ своей груди и осыпалъ поцѣлуями.

— О, моя благородная дочь! воскликнулъ онъ и слезы радости потекли по его щекамъ.—Да, мы должны принадлежать нашему господину, хотя бы и могли это отъ него скрыть! Когда онъ вошелъ сейчасъ ко мнѣ, то въ его лицѣ предсталъ вдругъ предо мною его отецъ во всей красѣ своей молодости. Я воспрянулъ духомъ, готовясь привѣтствовать его. Я едва могъ сдержатъ себя, чтобы не броситься къ его ногамъ. Мнѣ

страстно хотѣлось взять его за руку и повести его, дать ему во всемъ отчетъ и сказать: «Все это принадлежитъ тебѣ». Такъ бы я и сдѣлалъ, Эсфирь. Но три мысли, промелькнувшія у меня въ головѣ, удержали меня отъ этого. Дѣйствительно-ли это онъ? И если это онъ, то что онъ сталъ за человѣкъ? Вѣдь подумай, Эсфирь, какъ много теперь такихъ людей, въ рукахъ которыхъ богатство служитъ только источникомъ проклятій и насилій!

— А какова была твоя третья мысль? спросила Эсфирь.

Симонидъ смутился и опустил глаза.

— Я боялся, нерѣшительно отвѣтилъ онъ, — что ты не пожелаешь быть его рабыней...

Эсфирь съ упрекомъ поглядѣла на отца и бросилась къ нему на шею.

— Ну, хорошо, довольно... сказалъ онъ.—Я радъ, что ты такъ-же благородна, какъ и твоя покойная мать.

— Но вѣдь онъ ушелъ, нашъ

господинъ... сказала Эсфирь.—Придетъ-ли онъ опять!

— Да, да, онъ придетъ! воскликнулъ Симонидъ.—Мой вѣрный Маллухъ съ нимъ! Онъ его вернетъ! Нашъ господинъ вернется къ намъ!

— Но чѣмъ-же онъ докажетъ, что онъ дѣйствительно нашъ господинъ?

— Это докажетъ не онъ, а я самъ. Онъ думаетъ, что всѣ его свидѣтели уже умерли. Но нѣтъ. Живъ еще одинъ и онъ тотчасъ-же узнаетъ его!

— Кто это? Его мать?

— Нѣтъ, Эсфирь. У меня есть еще одно лицо, которое знаетъ его и тоскуетъ по немъ. Это его няня Амра!

— Развѣ она еще жива? воскликнула въ удивленіи Эсфирь.

— Да, жива, отвѣтилъ Симонидъ.— Но я прячу ее отъ римлянъ и уже пять лѣтъ не показываю ее никому! Позови сюда слугу!

Эсфирь позвонила, явился служитель и помогъ ей перевести ея отца обратно въ домъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СТАРАЯ СОБАКА.

Всю жизнь я домъ оберегала,
Своихъ хозяевъ стерегла,
Меня-жъ кормили очень мало,
Бды лишали и тепла.

Меня всѣ гнали, не любили,
Считали лишней во дворѣ,
Моихъ щенятъ въ рѣкѣ топили,
Иль просто въ кухонномъ ведрѣ.

Меня не разъ на цѣпь сажали,
И въ довершеніе бѣды
По цѣлымъ суткамъ забывали
Мнѣ дать хоть капелку воды.

Но все-жъ вѣрна я господину,
Люблю его, его жену,
И лишь тогда я ихъ покину,
Когда въ послѣдній разъ вздохну.

Аистъ.

ВАНЯ И МАША.

(Сказка).

Въ маленькой лачугѣ, у опушки большого дремучаго лѣса, жилъ нѣкогда бѣдный дровосѣкъ, у котораго было двое дѣтей — Ваня и Маша. Они жили очень бѣдно, а когда случилась еще засуха и всѣ окрестные жители обѣднѣли, то у дровосѣка и вовсе прекратились заработки и ему съ семьей нечего было ѣсть.

Однажды вечеромъ, когда дѣти спали, дровосѣкъ съ женой стали жаловаться другъ другу на свою бѣдность и кончилось дѣло тѣмъ, что дровосѣкъ сказалъ своей женѣ, которая была не родной матерью для Вани и Маши, а мачехой:

— Что намъ теперь дѣлать? Моего заработка не хватаетъ даже на то, чтобы прокормиться намъ съ тобой вдвоемъ, а тутъ еще дѣти... Жаль на нихъ смотрѣть, какъ они голодаютъ. Что бы съ ними сдѣлать, чтобы они такъ не страдали?

— Только одно средство и остается, отвѣтила мачеха.— Завтра утромъ я отведу ихъ въ самую глубину лѣса и тамъ ихъ и оставлю. Оттуда они уже не найдутъ дороги домой. Пусть лучше они умрутъ отъ дикихъ звѣрей, чѣмъ здѣсь у насъ отъ голода.

— Нѣтъ, жена, сказалъ отецъ.— Это будетъ большой грѣхъ! Я ни

когда не рѣшился-бы оставить въ лѣсу дѣтей однихъ.

— Какой ты чудакъ, отвѣтила мачеха.— Вѣдь если ты не слушаешься моего совѣта, то все равно они умрутъ съ голода. А это гораздо ужаснѣе.

Ваня и Маша, которые въ это время такъ хотѣли ѣсть, что не могли уснуть, слышали весь этотъ разговоръ. Маша стала плакать и тихонько, шепотомъ, обратилась къ Ванѣ подъ одѣяломъ:

— Что съ нами теперь будетъ?

— Молчи, такъ-же шепотомъ скажешь ей Ваня.— Я знаю, что намъ дѣлать.

И они притворились, что спятъ, и стали выжидать, когда улягутся наконецъ и заснутъ ихъ родители.

Когда все поутихло въ лачугѣ, Ваня всталъ, одѣлся и тихонько вышелъ на улицу. Свѣтила луна и бѣлые камешки, разсыпанные передъ избушкой, блистали, какъ новенькія серебрянныя монеты. Ваня нагнулся и сталъ набивать ими свои карманы.

Сдѣлавъ это, онъ вернулся къ Маши и сказалъ ей:

— Спи спокойно! Утро вечера мудренѣе.

Онъ опять раздѣлся, улегся въ постель и заснулъ.

На утро мачеха разбудила ихъ и закричала:

— Вставайте, вы, лѣнтяи! Идите со мной въ лѣсъ, помогите мнѣ собирать дрова на зиму.

Она дала каждому изъ нихъ по кусочку хлѣба.

— Берегите этотъ хлѣбъ до полудня, сказала она. — Больше сегодня я уже вамъ не дамъ ни одной крошки. Съѣдите его сейчасъ, такъ послѣ нечего будетъ ѣсть!

Маша взяла отъ мачехи хлѣбъ и понесла его, такъ какъ у Вани были доверху набиты камнями карманы и ему некуда было его положить. Мачеха повела ихъ въ дремучій лѣсъ, въ самую его глубину.

Они были еще недалеко отъ дома, когда Ваня сталъ каждую минуту оглядываться назадъ.

— Чего ты оборачиваешься? закричала на него мачеха.

— Да вотъ я вижу мою кошечку, отвѣтилъ ей Ваня.—Она взобралась на крышу нашей избушки и я слышу, какъ со слезами она зоветъ меня назадъ.

— Вздоръ! Это вовсе не кошка, а дымъ идетъ изъ трубы!

А Ваня даже и не думалъ вовсе о кошкѣ, а останавливался только для того, чтобы незамѣтно вытащить изъ кармана камешекъ и бросить его на землю.

Но вотъ ужъ они въ самой срединѣ лѣса.

— Ну, дѣти, обратилась къ Ванѣ и

Машѣ мачеха, — идите, поищите сухихъ сучьевъ.

Дѣти набрали большую кучу хвороста и сложили его въ кустъ. Мачеха зажгла его.

— Теперь сядьте поближе къ огню, сказала она, — и погрѣйтесь, а я пойду поищу вашего отца: онъ недалеко отсюда долженъ гдѣ-нибудь рубить дрова. Мнѣ нужно ему помочь. Какъ только мы окончимъ съ нимъ рубку, такъ я за вами и приду.

Ваня и Маша сѣли передъ огнемъ, а когда наступилъ полдень, то они сѣли по кусочку хлѣба, который дала имъ мачеха. И долгое время, пока доносился до нихъ стукъ топора издалика, они думали, что это работаетъ ихъ отецъ. Наконецъ, звукъ этотъ прекратился, они почувствовали усталость и крѣпко заснули. Когда они проснулись, то была уже ночь и Маша стала плакать.

— Какъ же теперь мы выберемся изъ лѣса? сказала она.

— Не бойся, отвѣтилъ ей Ваня.— Подождемъ еще немного, когда станетъ свѣтлѣе, и мы легко найдемъ дорогу домой.

Вскорѣ показалась луна. Ваня взялъ Машу за руку и повелъ ее. Блѣныя камешки, которые блистали, какъ мелкія серебряныя монетки, указывали имъ путь. Они шли всю ночь и наконецъ къ восходу солнца дошли до своей избушки.

Они постучались въ дверь и мачеха отперла имъ ее.

— Ахъ, вы негодяи! закричала она

на нихъ. — Гдѣ вы такъ долго пропадали въ лѣсу?

Но отецъ съ радостью ввелъ ихъ въ избушку и усадилъ ихъ за столъ.

Прошло нѣсколько дней и для бѣднаго дровосѣка начался новый приступъ нужды. Опять семья стала голодать и дѣти снова услышали, какъ ихъ мачеха говорила:

— Больше у меня нѣтъ силъ бо-

ротьясь съ нуждой. Во всемъ домѣ у насъ только одна корка хлѣба и когда мы ее съѣдимъ, то тогда придется умирать всѣмъ. Нужно опять завести куда-нибудь дѣтей, чтобы они уже не могли возвратиться назадъ. Я заведу ихъ еще дальше, чѣмъ въ прошлый разъ. Пусть они останутся тамъ навсегда.

Отецъ сталъ печалиться, такъ какъ

предпочиталъ лучше вовсе остаться безъ хлѣба, чѣмъ губить дѣтей, но мачеха настаивала и онъ наконецъ согласился. Этотъ разговоръ также происходилъ вечеромъ, когда дѣти легли спать, и они услышали его и на этотъ разъ. Ваня хотѣлъ-было опять набрать бѣленькихъ камешковъ, чтобы по нимъ возвратиться назадъ, и всталъ ночью съ постели, но дверь была заперта на ключъ. Это ее заперла мачеха и ключъ положила къ себѣ въ карманъ.

Возвратившись къ сестрѣ, Ваня сталъ ее утѣшать и совѣтовалъ ей поскорѣе заснуть, такъ какъ утро вечера мудренѣе.

— Съ Новымъ годомъ, куколка!

Пока они спали, съ неба слетѣли ангелы и стали ихъ охранягь (къ сказкѣ «Баня и Маша»).

Едва только стало разсвѣтать, какъ мачеха приказала имъ уже вставать и когда они были уже готовы, она дала каждому изъ нихъ по корочкѣ хлѣба и приказала имъ идти за нею въ лѣсъ.

Идя за нею, Ваня то и дѣло останавливался и отламывая отъ корочки хлѣба по маленькому кусочку, бросалъ ихъ по пути, чтобы по нимъ возвратиться назадъ.

— Ваня, что ты все останавливаешься? крикнула на него мачеха.— Иди живѣ!

— Да мнѣ кажется, что я вижу моего блага голубка на крышѣ, отвѣчалъ ей Ваня.— Онъ киваетъ мнѣ своею головой.

— Глупости! Это не голубъ, а отраженье солнца на трубѣ.

Ваня больше не останавливался, а все время продолжалъ бросать по пути крошки хлѣба. На этотъ разъ мачеха завела ихъ въ лѣсъ такъ далеко, что они уже совсѣмъ потеряли домой дорогу. Ее знала одна только ихъ мачеха. Они опять набрали сухихъ прутьевъ и опять зажгли костеръ.

— Оставайтесь здѣсь, приказала имъ мачеха,—и отдохните, а я пойду помочь вашему отцу, который здѣсь недалеко рубить дрова. Если захотите, то можете и заснуть немного, а мы придемъ и васъ разбудимъ.

Она ушла и дѣти остались одни. Насталъ полдень. Они раздѣлили между собой оставшійся у нихъ кусочекъ хлѣба и съѣли его. Но онъ ихъ не насытилъ, потому что большую часть его Ваня раскидалъ по

дорогѣ. Затѣмъ они заснули, но когда наступила ночь, то никто за ними такъ и не пришелъ.

Пока они спали, съ неба слетѣли ангелы и стали ихъ охранять. Они пѣли пѣсни и навѣвали на нихъ тихій сонъ. А потомъ они расправили свои крылья и улетѣли отъ нихъ обратно на небо.

Проснувшись, Ваня и Маша увидѣли себя въ темнотѣ. Луна скрылась за облака и густыя деревья скрывали отъ нихъ ея малѣйшіе лучи. Маша испугалась и стала плакать; Ваня сталъ ее утѣшать.

— Не плачь, Маша, сказалъ онъ.— Мы выберемъ отсюда. По пути сюда я бросалъ крошки хлѣба и по нимъ опять найду дорогу домой.

Но когда они выбрались изъ чащи и вышли на то мѣсто, гдѣ свѣтилъ лучъ луны, то они не нашли ни одной крошки хлѣба, потому что ихъ склевывали птицы. При этомъ открытій Ваня такъ испугался, что у него задрожали колѣни. Но онъ не показавъ сестрѣ даже и вида въ этомъ, а наоборотъ старался ее ободрить.

— Не безпокойся, Маша, сказалъ онъ.— Мы найдемъ дорогу и безъ крошекъ... Давай попробуемъ!

Но скоро они поняли, что это было вовсе невозможно. Они шли всю ночь и все утро и съ утра и до вечера на другой день, но такъ и не могли найти выхода изъ лѣса.

Наконецъ усталость взяла свое, ихъ ноги отказались ихъ нести и они легли подъ дерево и заснули. Когда они опять проснулись, то это былъ

уже третій день, какъ они оставили свою родную хижину. Но они все-таки не теряли надежды и продолжали ее искать. Это было бесполезно, потому что, чѣмъ больше они шли, тѣмъ дальше и глубже заходили въ лѣсъ.

Въ полночь они увидели птицу, бѣлую, какъ снѣгъ. Она сидѣла на вѣткѣ и пѣла такъ хорошо, что они остановились и стали ее слушать. Когда она кончила свою пѣсню, она распростерла свои крылья и полетѣла передъ ними. Дѣти послѣдовали за ней и скоро она довела ихъ до маленькой избушки, на крышу которой и сѣла. Здѣсь она превратилась въ черную кошку и быстро убѣжала въ избушку. Но дѣти не обратили на это вниманія и стали разсматривать домикъ.

Каково-же было ихъ удивленіе, когда они замѣтили, что она была выстроена изъ пряниковъ и украшена мармеладомъ и цукатами, а окна въ ней были сдѣланы изъ леденца.

— Ахъ, воскликнулъ Ваня, — останемся здѣсь и отдохнемъ! Я поѣмъ немного крыши этого домика и утолю свой голодъ, а ты, сестра, погрызи оконъ и ставень. Навѣрное они очень вкусны!

Ваня взлѣзъ на крышу домика съ ногами и отломивъ отъ нея нѣсколько бисквитныхъ черепицъ, скусалъ ихъ съ большимъ удовольствіемъ.

Маша сѣла на порогъ и начала кушать дверь, которая была сдѣлана изъ миндальнаго печенья.

Ваня нашелъ, что его черепицы были очень вкусны, и отломилъ для себя цѣлое стропило, а Маша только-что собиралась приняться за рамы и косяки, какъ изъ избушки вдругъ вышла какая-то страшная старуха, опираясь на свою трость.

Маша и Ваня такъ испугались ея, что выронили изъ рукъ то, что имъ удалось отломать отъ избушки. Старуха покачала головой и усмѣхнулась.

— Ахъ, вы милыя дѣтки, воскликнула она. — Какъ вы сюда попали? Входите и поживите со мною немного! Я не сдѣлаю вамъ зла!

Она взяла ихъ за руки и все еще что-то ворча, ввела ихъ въ домикъ. Здѣсь она усадила ихъ за шоколадный столъ и дала имъ молока, печенья, сахару, яблокъ и орѣховъ. Они поѣли, насытились и когда насталь вечеръ, легли на прелестныя постельки, мягкія, какъ взбитыя сливки или кремъ.

Но, несмотря на то, что старуха старалась показать себя доброй и ласковой, она все-таки была злой вѣдьмой; она нарочно и выстроила этотъ пряничный домикъ, чтобы лучше заманивать въ него маленькихъ дѣтей. А когда они попадали къ ней въ эту ея ловушку, она начинала ихъ выкармливать разными сладостями, чтобы они распольнѣли и покрылись жиромъ. Тогда она рѣзала ихъ, какъ поросятъ, жарила и ѣла. Это она дѣлала по большимъ праздникамъ.

Къ счастью, у нея были очень слабые глаза и она не видѣла хоро-

— Чего ты оборачиваешься? закричала на него мачеха.

шо; но, какъ и большинство дикихъ звѣрей, она имѣла прекрасное обоняніе и легко узнавала присутствіе людей по запаху. Такъ было и тогда, когда Ваня и Маша подходили къ ея пряничному домику. Она сразу же почувяла ихъ приближеніе и самодовольно ворчала:

— Теперь ужъ они не отвертятся отъ меня! Теперь ужъ они попались!

На слѣдующій день, когда дѣти еще спали, она уже была около нихъ.

— Какіе они вкусные! подумала она про нихъ и самодовольно улыбнулась.

А затѣмъ она грубо выхватила Ваню изъ постельки и, не долго раз-

говаривая съ нимъ, посадила его въ клѣтку и заперла ее на задвижку. Послѣ этого она закричала на Машу и стала ее трясти.

— Вставай, лѣнтяйка! Будетъ тебѣ спать! Пора топить печь и варить обѣдъ для твоего брата! Я посадила его въ клѣтку, чтобы онъ разжирѣлъ, и ты должна его кормить. Когда онъ растолстѣетъ достаточно, то я заколю его и съѣмъ.

Маша испугалась и стала горько плакать, но старуха не обратила на это никакого вниманія и она должна была ей повиноваться. Для Вани былъ приготовленъ сытный завтракъ, а бѣдная дѣвочка получила только хвостикъ отъ селедки.

Каждое утро баба-яга подходила къ клѣткѣ и говорила:

— А ну-ка, Ваня, протяни ко мнѣ свой пальчикъ, я посмотрю, достаточно ли ты разжирѣлъ, чтобы я могла тебя съѣсть!

Но Ваня зналъ, какъ ее обмануть, и потому всякій разъ высовывалъ къ ней косточку, оставшуюся у него отъ обѣда, а она принимала ее по слѣпотѣ за пальчикъ. И всякій разъ, ощупывая эту косточку, баба-яга недоумѣвала и никакъ не могла понять, отчего это Ваня не толстѣлъ?

И вотъ проходили недѣли за недѣлями, въ теченіе которыхъ Ваня продолжалъ просовывать къ ней косточку, и она наконецъ потеряла терпѣніе.

— Эй, Маша! закричала она.—

Иди скорѣе за водой! Жирнаго или худого, а я хочу его съѣсть. Завтра утромъ я заколю его и сварю изъ него супъ!

Бѣдная дѣвочка! Когда она услышала эти слова, она задрожала и слезы ручьями потекли у нея изъ глазъ. Но дѣлать было нечего, надо было повиноваться и она пошла за водой.

На слѣдующее утро, едва стало свѣтать, Маша получила отъ бабы-яги приказаніе наполнить водою котель и затопить печь. Когда печка истопилась, баба-яга сказала:

— Прежде всего намъ нужно испечь пирогъ, но я не знаю, жарко-ли истоплена печь.

И, подведя Машу къ печи, она поставила ее у заслонки и сказала:

— Войди въ печь и скажи мнѣ оттуда, достаточно ли она горяча?

Маша поняла, что если она хоть одинъ шагъ сдѣлаетъ къ печи, то старуха захлопнетъ за ней заслонку и изжаритъ ее раньше, чѣмъ сваритъ Ваню. Поэтому она отвѣтила:

— Заслонка такъ узка, что я не могу въ нее пролѣзть.

— Какая ты глупая! крикнула на нее баба-Яга.—Заслонка настолько широка, что пропуститъ даже меня. Вотъ посмотри!

Она нагнулась и просунула голову въ печь. Тогда Машу осянила вдругъ счастливая мысль: она бросилась къ старухѣ, сильно толкнула ее сзади, старуха влетѣла въ печь и Маша закрыла за ней заслонку.

Изъ печки послышались тяжкіе вопли бабы-Яги. Маша не могла ихъ слышать и выбѣжала на дворъ. Здѣсь въ клѣткѣ сидѣлъ ея братъ Ваня. Она подбѣжала къ нему, отперла дверцу и выпустила его на волю.

— Ваня, Ваня! закричала она.— Мы теперь свободны! Баба-Яга попала въ печку и изжарилась тамъ, какъ жаркое.

Мальчикъ выскочилъ изъ своей тюрмы и оба они отъ радости и счастья бросились другъ къ другу на шею.

Теперь ужъ имъ нечего было бояться, они отправились въ пряничный домикъ и вошли въ ту

Дѣти набрали большую кучу хвороста.

комнату, гдѣ жила раньше баба-Яга; здѣсь они замѣтили большой дубовый шкафъ, въ которомъ было множество драгоценныхъ камней.

— Давай наберемъ ихъ! сказала сестрѣ Ваня.

И они стали набивать ими свои карманы. А Маша кромѣ того еще подняла передникъ и насыпала драгоценныхъ камней и въ него.

— Я отнесу ихъ домой, сказала она.

— А теперь, обратился къ ней Ваня,—пойдемъ какъ можно скорѣе искать выхода изъ лѣса.

Они захватили еще по полной горсти драгоценныхъ камней и вышли изъ домика. Цѣлые два часа шли они по лѣсу и наконецъ увидели передъ собой большое озеро, полное воды.

— Что намъ дѣлать? воскликнула Маша.—Какъ намъ черезъ него переплыть?

— А вонъ посмотри въ кусты, отвѣтилъ ей Ваня.—Видишь, къ нимъ привязана чья-то лодка!

Но онъ ошибся. Это была вовсе не лодка, а бѣлый лебедь, который, увидѣвъ дѣтей, сталъ тихо къ нимъ подплывать.

— Быть можетъ, онъ поможетъ намъ перебраться на тотъ берегъ? задала Маша вопросъ.

Пока она это говорила, прекрасная птица подплыла къ нимъ такъ близко, что Ваня сѣлъ ей прямо на спину. Онъ хотѣлъ взять и Машу, но она ему сказала:

— Плыви ты одинъ, а я подожду. Бѣдная птица не выдержитъ насъ двоихъ!

Добрая птица доставила Ваню на противоположный берегъ и вслѣдъ затѣмъ поплыла обратно и за Машей. Когда переѣхала на ней черезъ озеро и Маша, то дѣти увидѣли передъ собою знакомый лѣсъ. Можно представить себѣ ихъ радость, когда вдаль передъ ними показалась ихъ родная лачуга! Завидѣвъ ее, они бросились бѣжать къ ней со всѣхъ ногъ и, добѣжавъ до нея, быстро отворили дверь и очутились вдругъ въ объятіяхъ у своего отца. Бѣдный дровосѣкъ не зналъ и минуты покоя съ тѣхъ поръ, какъ его жена завела ихъ въ дремучій лѣсъ и бросила ихъ тамъ однихъ. Теперь онъ былъ счастливъ, что они возвратились живыми домой, тѣмъ болѣе, что теперь уже не нужно было бояться за нихъ, такъ какъ они принесли съ собою столько богатства, что могло хватить на нѣсколько семей. Велико было удивленіе бѣднаго мужичка, когда Маша опустила передъ нимъ свой передникъ и высыпала изъ него массу драгоценныхъ камней, а Ваня сталъ выворачивать передъ нимъ свои карманы!

Съ этого дня въ бѣдной хижинѣ дровосѣка уже никогда не знали, что такое голодъ, а радовались и наслаждались жизнью. Ваня и Маша простили свою мачеху, она ихъ полюбила и не было на свѣтѣ людей, болѣе счастливыхъ, чѣмъ они. А. М.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Наборщикъ набиралъ для печати начало стихотворенія, но ошибся. У него вышло вотъ что:

рая отъ вочче темри нильцу
Воздупль монни цышной ей.

Поправьте ошибку наборщика и разставьте правильно буквы.

(Предложила Э. Погребная).

II.

Я нахожусь вначалѣ октября. Безъ меня олады были-бы лодками и окна ловили-бы мышей. Что я такое?

III.

Если рѣчная рыба обернется задомъ напередъ, то изъ нея выйдетъ Итальянскій городъ. Какая это рыба?

ЗАДАЧА-ШУТКА.

Напишите въ Редакцію: сколько будетъ дважды два?

АРИӨМОГРАФЫ.

I.

Название небольшого городка Юго-Восточной Россіи состоитъ изъ десяти буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10.

Буквы 7. 5. 9. 8. 5 — означаютъ то, что даетъ блескъ, 6. 2. 3. 4. 10 — название хищнаго звѣря, 9. 5. 8. 9. 5 — головной уборъ, 2. 1. 7. 5 — название рѣки.

Какія это слова и какой это городъ?

II.

Имя древне-греческаго писателя, который сочинялъ для театра комедіи, состоитъ изъ десяти буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10.

Буквы 7. 8. 2. 1. 6. 9. 10 — означаютъ название египетскихъ царей, 1. 2. 7. 8 — струнный музыкальный инструментъ; 4. 3. 5. 6 — предметъ, необходимый въ хозяйствѣ; 4. 1. 2. 8. 7. 1. 9. 10 — русскій женскій костюмъ.

Какія это слова и какъ называется писатель?

Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки, задачу-шутку, ариөмографы и ребусъ, будутъ напечатаны.

Рѣшеніе ребуса, головоломокъ и шуточныхъ вопросовъ, помѣщенныхъ въ № 3-мъ «Золотого Дѣтства».

Головоломки: I) оСОка, боЛОто, СаМАра = солома. II) крыСА, трюМО, тоВАРЬ = самоваръ. III) кара + мель (карамель)... пасти + ла (пастила)... халь + ва (халва)... шокъ + о + лад (шоколадъ)... комъ + потъ (компотъ)... орѣхи, пря + ники (пряники).

Шуточные вопросы: 1) по книжкамъ. 2) Отъ земли. 3) На другую половину. 4) И та, и другая имѣютъ поля.

Ребусъ № 2. Лѣ + томъ у о + кошка з + р + ели гр + уши = Лѣтомъ у окошка зрѣли груши.

Вирныя рѣшенія прислали: Нина Симонова изъ Гомеля, В. Дубровинъ въ Спб., Лариса Лукьянова изъ Елисаветграда, Костя Домбровский изъ Владикавказа, Митя Новицкій въ Ахтыркѣ, Маруся Полякова изъ Цымлянской, З. Погребная, Тиша Станкевичъ изъ Ялты, Миша Корбутъ, Лёмочка Забокрицкій изъ Николаева, Алёша Лихолеть, Влад. Тимофеевъ въ Спб., Шура, Володя и Лина Шумахеръ изъ Ростова-на-Дону, Марина Петрова въ Спб., Юрикъ Алексѣевъ въ Спб., М. В. Стати изъ Курманъ-Кемельчи, Витя

Быстрицкій изъ Царицына, Толя Чернявскій изъ Ростова-на-Дону, Витя Фаленковъ изъ Рыбинска, Шета Мякишева изъ Севастополя, Петя Степановъ въ Спб., Андруша Федотовъ—Донской казачекъ, Валя Рудневъ, Надя и Вѣра Кдугенъ изъ Кіева, Сергій Горошко, Валя Герасимовъ, Зина, Павля, Ляля и Лиля Ермолаевы въ Спб., Шура Сѣдова изъ Моздока, Шура Слюжинская, Оля Суровцова, Володя Визи, Ваня Касаткинъ въ Спб., Петюша Коваленко со ст. Бирзула.

РЕБУСЪ № 3.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Полные экземпляры «Золотого Дѣтства» за истекшей годъ, со всѣми приложениями, высылаются по **три рубля** за годъ. Въ красивомъ коленкоромъ переплетѣ—**на 65 коп. дороже**. За пересылку: въ предѣлахъ Европейской Россіи и Закавказья по 45 коп. съ экз. и въ Западную Сибирь и Туркестанъ по 65 коп. съ экз. Въ Восточную Сибирь не посылается вовсе.

Библ. Моск. ун-та
повременныхъ изданій
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНІЕ
ПО
ДѢЛАМЪ ПЕЧАТИ

Годъ изданія третій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА

ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

- 1) Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія.
- 2) Путешествія.
- 3) Биографіи знаменитыхъ людей.
- 4) Статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений.
- 5) Рассказы изъ жизни племенъ и народовъ.
- 6) Рассказы изъ жизни святыхъ.
- 7) Статьи по хозяйству и домоводству.
- 8) Игры и занятія.
- 9) Ноты для пѣнія и игры на фортепiano.
- 10) Каррикатуры и смѣшныя исторіи въ картинкахъ.
- 11) Загадки, ребусы, шарады.
- 12) Романы, повѣсти и рассказы изъ Русской исторіи.
- 13) 12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ.
Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома безъ помощи портнихи.
- 14) Картонажи для склеиванія и другія приложенія.
- 15) Смѣсь: различные рецепты, анекдоты, шутки и проч.
- 16) Почтовый ящикъ для переписки съ подписчиками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.

**Допускается разсрочка: при подпискѣ—2 р. и къ 1-му Апрѣля
остальные—1 р. 80 к.**

Подписка принимается: въ Конторѣ журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Матвѣевская, 3, уг. Пушкарской, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

➤ **Подписной годъ съ 1-го ноября.** ➤

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.